

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

НОЧНОЙ
ЗВОНОК

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Ночной звонок

«ЭКСМО»

Метлицкая М.

Ночной звонок / М. Метлицкая — «Эксмо», — (Рассказы и повести Марии Метлицкой)

«Звонок раздался в полпервого ночи, когда Николай Петрович, приняв, как всегда, изрядную дозу снотворного, уже почти засыпал. С сильно бьющимся сердцем он схватил телефонную трубку и испуганно оглянулся на жену, которая резко развернулась и села на кровати...»

© Метлицкая М.

© Эксмо

Мария Метлицкая

Ночной звонок

Звонок раздался в полпервого ночи, когда Николай Петрович, приняв, как всегда, изрядную дозу снотворного, уже почти засыпал. С сильно бьющимся сердцем он схватил телефонную трубку и испуганно оглянулся на жену, которая резко развернулась и села на кровати.

– Элочка? – шепотом, прижимая руку к сердцу, спросила она.

Он мотнул головой – в трубке звучал совсем незнакомый голос.

– Николай Петрович, – на том конце провода закашлялись, – Николай Петрович, пожалуйста, извините. Я все думала, стоит вам звонить или нет... – Голос замолчал. – Но все-таки подумала и решила, что позвоню.

Он услышал, как женщина на том конце провода сильно затянулась сигаретой.

– Это Лена, – сказала она.

– Какая Лена? – не понял он.

– Лена Голейко. Дочка Елизаветы Семеновны, Лизы. – Женщина опять замолчала и жадно затянулась.

Он молчал.

– Дело в том... – протянула она. – В общем, дело в том, что мама умерла. Третьего дня. Похороны завтра. Остроумовская больница. В десять утра. – Она опять замолчала.

Он тоже молчал, хотя понимал, что это ужасно глупо.

– Я не знаю, правильно ли я сделала, что позвонила вам, – повторила она. – Поверьте, я долго сомневалась, но решила, что да, позвонить все же надо. Ну а там – как вы решите. Никто в обиду не будет. Ни я, ни тем более мама. Ей-то наверняка уже все равно, – вздохнула она.

– Я понял, Лена, – наконец ответил он. – Я все понял. Спасибо, что вы позвонили. Значит, в десять в Остроумовской?

Лена громко расплакалась.

– Держитесь, – проговорил он и положил трубку.

Он встал с кровати и попытался в темноте найти тапочки. Жена включила ночник.

– Кто это был? – недовольно спросила она.

– Лена Голейко. Дочь Лизы. Она умерла. В смысле Лиза.

– Ну а ты тут при чем? – не поняла жена.

– В каком-то смысле при чем, – усмехнулся он. – Во всяком случае, она так посчитала.

Жена села на кровати и с удивлением на него посмотрела.

– И что, пойдешь? – с недоумением спросила она.

Он пожал плечами.

– Подумаю. – И добавил: – Наверное, пойти надо.

Жена недовольно хмыкнула и погасила ночник.

Он наконец нашарил тапки и пошел на кухню. Включать свет не стал, просто подошел к окну и стал смотреть на темную, слабо освещенную улицу. Вдалеке, на Ленинском проспекте, все еще было довольно резвое движение.

«И что им не спится?» – с раздражением подумал Николай Петрович, вспомнив, который час. На ощупь нашарил на полке заначку, полпачки сигарет (курить он бросил четыре года назад) и глубоко затынулся. Слегка повело, и закружилась голова.

На кухню зашла жена и включила свет.

– Ну ты еще закури и изобрази вселенскую скорбь! – с вызовом сказала она.

– Алла, прошу тебя! – умоляюще проговорил он.

Жена хмыкнула, выпила из кувшина воды и, щелкнув выключателем, вышла.

Он вспомнил эту Лену. Тогда ей было лет пять. Или шесть? Тихая, невзрачная, ничем не примечательная девочка, совсем непохожая на свою яркую красивую мать. Вечно сидела у себя в уголке за ширмой и что-то рисовала или играла в куклы. Ничем особенно не докучала. На выходные Лиза ее отвозила к своей матери – крупной, одышливой и громкоголосой старухе. Иногда, впрочем, когда Лиза задерживалась на работе, он заходил за Леной в сад. Она подбегала к нему, брала за руку и внимательно на него смотрела. Однажды назвала его «папа Коля». Он помнил, что как-то дернулся, и ему это точно не понравилось. Вечером он сказал об этом Лизе, та рассмеялась и взъерошила ему волосы. Но дочке тихо выговорила – и девочка так больше к нему не обращалась. Впрочем, она к нему и по имени не обращалась. Говорила только «вы» и при этом смущалась и опускала глаза.

С Лизой он сошелся, когда ему было двадцать два. Совсем мальчишка. Провинциал. Приехал из Горького покорять столицу. На улице спросил у прохожего, как пройти к Третьяковке, купил билет и пристроился к какой-то экскурсии. Экскурсию вела Лиза. Она видела, что он из «примкнувших», но ничего не сказала, только усмехнулась. После того как экскурсанты разошлись, он задержался возле нее и задал пару вопросов. Они разговорились, и она предложила спуститься в буфет и выпить по чашке чаю.

Они долго пили чай, и она смешно рассказывала ему про различные нелепые ситуации и вопросы, которых было в ее недолгой практике экскурсовода множество. Они смеялись. А потом он рассказал про себя – про то, как сбежал из Горького, потому что жить с отчимом было невыносимо, как отслужил в армии в Азербайджане, под Баку. Как закончил в Горьком строительный техникум и сейчас мечтает об институте. Как поселился у сестры давно умершего отца в Лосинке. И как «тетя» потребовала ежемесячную плату, совсем немаленькую. Еще, почему-то смущаясь, объяснил, что деньги кончаются и надо срочно устраиваться на работу, а уж потом думать об институте, разумеется, о вечернем.

Она молча и внимательно его слушала, а потом сказала: «Я тебе помогу». И вправду помогла – через три дня он работал в большом монтажном управлении экспедитором.

Через две недели, получив первый аванс, он зашел за ней после работы и пригласил в кафе-мороженое. Там они взяли два пломбира, шоколадку и бутылку шампанского. Он пошел ее провожать, и она предложила зайти к ней – погреться и выпить чаю (на улице стоял приличный, с поземкой, декабрьский морозец). В тот вечер он у нее и остался. Дочка Леночка спала за ширмой, и ночью она закрывала ему рот рукой и просила: «Тише, пожалуйста, тише».

Он, провинциал, конечно, удивился такой скорости. Да еще и ребенок! Но так сложилось, что после той ночи он у нее и остался – в конце концов, это было ему удобно. Она казалась ему человеком смешливым и беззаботным. И отсутствие денег, и крошечную семиметровую комнату в коммуналке с пьющими и вечно скандалящими соседями, и деспотичную старуху-мать, и часто болеющего, слабого ребенка, и свой скоропалительный развод (муж ушел к ее близкой подруге) – все воспринимала легко и с юмором. К тому же была женщиной определенно красивой – высокой, стройной, статной. С крупными темными глазами, красивым, чуть вздернутым носом и пухлыми и яркими губами. Бывшая золовка, сестра ушедшего мужа, была довольно известной портнихой, и Лиза сохранила с ней дружеские отношения. Золовка с удовольствием ее обшивала – модель из Лизы была прекрасная: на ней шикарно смотрелись узкие юбки, блузки с пышным жабо и длинные, с широкими плечами, светлые пальто, туго перехваченные на узкой талии широкими поясами.

Было ей тогда тридцать два года, десять лет разницы. Он смущался, она, казалось, нет. Водила его к своим подругам и представляла: «Это мой мальчик». Он краснел и опускал глаза. Она была его первой настоящей женщиной, предыдущий опыт был скудным и небогатым. Любил ли ее? Скорее всего, нет. Он отчетливо это понимал. Да и она понимала. Как-то сказала ему: «Ну, ничего, перекантуешься. Оперись скоро!»

Эти слова покорибили, и он сделал вид, что сильно обиделся.

В институт он поступил – после армии и со стажем работы это было легко. Когда прибежал с радостной вестью к ней на работу, она почему-то погрузилась и даже расплакалась: «Ну, теперь ты от меня быстро сбежишь!»

Он стал все это жарко отрицать, а Лиза с какой-то нежной грустью вздохнула и взъерошила ему волосы. К тому времени он прожил у нее около трех лет.

Конечно, началась студенческая жизнь со всеми ее радостными атрибутами. Осенью поехали на картошку. Лиза провожала его, укладывая вещи в матерчатый чемодан, и в дверях грустно улыбнулась: «Ну, ты хоть поскучай по мне там. Хотя бы для приличия!»

Он горячо уверил ее, что непременно будет скучать. И непременно сильно. Она тяжело вздохнула и кивнула: «Ну давай, беги!»

Он сбежал по лестнице вниз. Она крикнула вдогонку: «А может, я к тебе приеду?»

Он прекрасно расслышал вопрос, но ничего не ответил, только громко хлопнул дверью парадной. Она несколько минут стояла на пороге, а потом зашла в квартиру и, щелкнув замком, закрыла дверь.

У института стоял автобус. Он легко запрыгнул по ступенькам и, радостно оглядев присутствующих, кинул рюкзак на сиденье. Ехали долго, шумно и весело. Пели песни. Тогда он впервые увидел Ирочку Светлову, девочку с соседнего потока. Ей очень подходила ее фамилия: она была светлой, как лунь – длинная, почти в пояс коса, голубые глаза цвета яркого летнего неба. Она сидела впереди него, и он, конечно, острил и выпендривался, как мог. Ирочка смеялась и густо краснела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.